

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ ВОЗРАСТНЫХ КЛАССОВ У ГАЛЛА ЭФИОПИИ

Asmarom Legesse. Gada. Three approaches to the study of African society. N. Y., 1973, XII+340 p.

Автор книги, Асмаром Легессе, окончил университет в Аддис-Абебе, а завершил свое образование в области этнографии в Гарварде. Он преподавал в различных высших учебных заведениях США, ныне является профессором антропологии в Северо-Западном университете. Настоящая книга — продолжение его исследований социальных структур народов Восточной Африки¹ — первая попытка объяснить возникновение и функционирование социальных систем типа «гада»² (возрастные объединения у галла Эфиопии) на основании статистического анализа материала.

Общество галла делится на ряд групп, организованных на основе критерия возраста и пола. Эти группы последовательно передвигаются по иерархической лестнице социально-значимых степеней, каждой из которых присущи специфические общественные функции. Ранние свидетельства (XVI—XVII вв.) о стратификации общества галла показывают четкое функционирование этой социальной системы. Более поздние данные (конец XIX — начало XX в.) отражают уже нарушение равновесия системы, выражающееся в несоответствии возрастного состава общественных групп их функциональной роли в каждой из социальных степеней. Это несоответствие как результат развития систем типа «гада» и стало почти тупиковой проблемой в этнографии Восточной Африки.

Заметим, что исследование этого явления, как правило, не выходит за рамки теоретического анализа структуры как некой абстракции в отрыве от развития производственной базы общества. Сохраняется тенденция к механическому переносу фрагментарных данных (синхронного уровня) на более ранние фазы развития этих социальных структур (диахронный уровень). В связи с этим особенно отраден выход в свет книги А. Легессе «Гада. Три подхода к изучению африканского общества». Эта работа интересна во многих отношениях. Ее неоспоримое достоинство — богатый современный полевой материал, собранный автором в Эфиопии, в провинциях с галла-язычным населением. Автор обнаружил ритуальное функционирование системы «гада» во всех обследованных им районах. Однако как «полная политическая система» (стр. 12) она действовала только в зоне скотоводов на юге страны (группы галла — аиси, гуджи и борана); этим группам А. Легессе и уделил основное внимание. Среди борана автор провел 2 года, изучил их язык, что позволило ему плодотворно исследовать институт, действие которого касается «жизни каждого мужчины, женщины и ребенка» (стр. 12).

¹ Asmarom Legesse, Class systems based on time, «Journal of Ethiopian studies», 1963, vol. 1, № 2.

² «Гада» — по местной терминологии обозначение 8-летнего периода для каждого возрастного класса «луба». Эти периоды этнографы соотносят с социальными степенями, через которые последовательно проходят все возрастные классы.

Хочется обратить внимание читателей на как бы мимоходом сформулированный автором тезис, который имеет принципиальное значение для восприятия всей книги А. Легессе. Он пишет, что современную социальную систему галла только «приближенно можно рассматривать как изначальную форму» их организации, так как она претерпела большие структурные изменения (стр. 11). Это следует все время иметь в виду, поскольку выводы автора прежде всего относятся к трансформированному состоянию структуры общества галла. И если принять его анализ как решение проблемы «гада», то он будет скорее верным объяснением последнего этапа в жизни этого социального института. Автор показал, как веками накапливавшиеся отклонения от изначальной нормы постепенно подводят к самоуничтожению института. Однако этот анализ не приближает нас к пониманию исторической обусловленности такой организации общества, и потому вряд ли можно принять выводы А. Легессе за полное разрешение «загадки гада». Я полагаю, что разгадка может быть обнаружена только при анализе перехода систем типа «гада» от некоторого исходного их состояния к современному. Такая попытка была предпринята автором данной рецензии на различных по времени сравнительных этнографических материалах и привела к определенным результатам³.

Однако работа А. Легессе представляет собой необходимый и важный этап в изучении механизма, функционирования и разрушения этих систем.

Рассматривая систему «гада» А. Легессе совершенно верно отмечает, что она представляет «крайнее развитие социальной структуры возрастных групп», и хотя может быть представлена из-за этой крайности как «аномалия», тем не менее является одним из удивительных «витков в эволюции человеческого общества» (стр. 50).

Автор утверждает, что исторически система «гада» возникла как система возрастных групп (age-sets), но сегодня она представляет собой совершенно отличный тип организации — систему дифференцирования общества по времени (temporal differentiation) и как таковая уже мало связана с реальным возрастом. Автор установил, что у галла борана «мы имеем общество, которое стратифицировано в две различные, но перекрещивающиеся системы социальных группировок. Одна является системой, в которой члены каждого класса набираются строго на базе реального возраста. Другая — система, в которой члены набираются равно строго с учетом связи между генеалогическими поколениями. Первая не имеет дела с биологическими родственными отношениями. Вторая — мало связана с возрастом» (стр. 50)⁴.

Наличие двух самостоятельных систем дифференциации общества, совпадающих по временной протяженности для каждого индивида, — загадка, ставившая в тупик исследователей. Легессе справедливо акцентирует внимание на том, что в «западном мире путают понятие возраста и понятие поколения», понимая под поколением группу одного социального возраста (стр. 51). Характеризуя этот взгляд как одно из самых давних заблуждений, автор справедливо утверждает, что «поколение, определяемое генеалогическими терминами, никогда не может быть возрастной группой» (стр. 51). Внуки двух братьев генеалогически принадлежат к одному поколению. Но разница в возрасте между ними может достигать 50 лет, и значит, это не одно возрастное поколение.

Этот вывод — важное достижение автора. Он понял различие в структурных критериях обеих систем. Однако таким путем еще нельзя решить «загадку гада», которая сводится не столько к объяснению наличия двух одновременных социальных систем, как пишет А. Легессе, сколько к разрешению проблемы несоответствия современной структуры «гада» традиционным функциям общественных групп в степенях системы. Обнаружение двух систем с разными критериями формирования позволяет преодолеть

³ К. П. Калиновская, К вопросу о соотношении функций и структуры систем возрастных групп у галла (Эфиопия), «Сов. этнография», 1972, № 4; е е же, К вопросу о соотношении возрастной и кровнородственной систем, Доклады советской делегации на IX МКАЭН, Чикаго, 1973.

⁴ Не следует думать, что А. Легессе под второй системой имеет в виду систему кровного родства. Последняя также занимает свое место в обществе галла. Однако в книге рассматривается структура общества, в основе которого лежал некогда принцип социально-групповой дифференциации на базе учета возраста и пола. При этом поколения составляли социально-возрастные, а не генеалогические группы, как это обнаруживается в современном обществе галла.

одно из давних заблуждений этнографов, недоумевавших, почему системы, считаясь возрастными, не обеспечивают однородный возрастной состав. Но возникает новый вопрос: почему вообще существуют две социальные системы? И на этот вопрос ответить без исторического подхода к материалу невозможно.

Что же предпринял в этом направлении автор книги? Приступая к анализу структуры «гада», он определил ее элементы следующим образом (стр. 51): «Сет» или «класс» (луба) — это группа людей с одинаковым статусом, коллективно исполняющая обряд перехода каждые 8 лет. «Степени» — последовательные стадии развития, через которые проходят классы, определяющие род деятельности, права и обязанности. При таком подходе в организации «гада» классов не обнаруживается ничего такого, что отличало бы их от возрастных групп (age-sets).

Однако одно существенное правило системы «гада» делает классы абсолютно отличными от возрастных групп: новорожденный всегда входит в систему степеней точно через 40 лет после своего отца, независимо от возраста последнего. Отец и сын всегда разделены 5 степенями (стр. 51). А так как дети продолжают рождаться в классе на всем пути его продвижения по социальной лестнице, то дети членов этого класса могут войти при рождении в продвинутые степени системы, ибо главное — соблюсти интервал в 40 лет. Иными словами, позднерожденные сыновья будут добавляться к уже давно сформированным классам безотносительно к их возрастному составу, создавая тем самым их неоднородность во всех степенях системы. Этот факт показывает, что классы в настоящее время не являются возрастными объединениями.

Автор ограничился констатацией наличия у борана второй, чисто возрастной, системы групп «харийя» (Hariiya), набирающихся на базе абсолютного возраста. Он показал лишь их участие в рейдах за скотом, но не дал ни анализа их структуры, ни описания их функционирования. Все внимание автора обращено на первую социальную систему — классы. А вместе с тем в книге приведены данные, мимо которых пройти нельзя. Автор сообщает, что в IV степени системы «гада» («младшие воины») все мальчики класса, входящего в эту степень, «включая младенцев, должны носить штаны» (стр. 62). Хороши воины! Кроме того, он указывает, что во II степени класс получает имя — например, «сыновья Мада», «сыновья Тайё» (стр. 57). Как видим, это групповое имя, и не просто имя, а имя от класса отцов, имеющих свое групповое имя (Mada Tayyo). А как при этом соблюдается норма интервала в 40 лет? Ведь сыновья одного отца имеют разный возраст и включаются в разные классы. Но каждый класс тем не менее носит имя одного группового отца, независимо от того, к какому классу относятся их настоящие отцы. В этом мы можем видеть свидетельство архаического характера системы, который теперь сохраняется лишь в терминологии обряда давания группового имени. О том же свидетельствует и такой факт: в I степени («даббалле») члены класса носят женскую прическу, аналогичную прическе женщин в классе «бабушек» этих «даббалле» (стр. 52). Это еще одно свидетельство наличия рудиментов в системе древней организации «гада», в которой классы формировались только на базе возраста, а не по принципу генеалогической связи.

А. Легессе пишет, что со степени «куса» («младшие воины») и класс «луба», и возрастная группа «харийя» входят в жизнь как формально объединенные группы, становясь структурными союзами, действуя как дополняющие друг друга институты до тех пор, пока оба представлены живыми членами (стр. 61). Однако тут явная неувязка. В современном обществе галла не могут совпадать класс и возрастная группа. Члены одного класса принадлежат к разным возрастным группам, и наоборот. Следовательно, и выступать как корпоративные союзы в жизни они не могут, да и задачи у этих объединений не совпадают. Представить можно следующее. Возрастные группы — это коллективы, выполняющие определенные хозяйственные задачи, соответствующие их физическим возможностям (пастьба, чистка колодцев, военные походы, рейды за скотом и др.). Классы — чисто формальные организации, поскольку пестрота возрастного состава (принцип связи генеалогических поколений) не позволяет им выполнять традиционные социальные задачи (например, класс в степени воинов включает младенцев и стариков, или члены совета «гада» — шесть мальчиков!). Но каждый индивид одновременно имеет двойную принадлежность: он входит в группу

сверстников — возрастной коллектив «харийя» и в класс «луба», передвигающийся по степеням «гада» через каждые 8 лет, меняя свой социальный статус.

Правила системы разрешают вступать в брак классу в V степени. Однако это не является обязанностью, тем более что входящие в нее лица не все достигли брачного возраста (20—25 лет) или уже давно в браке. Одним словом, по материалам А. Легессе видно, что нормы системы существуют как традиционная догма, которую реальные условия не всегда позволяют выполнить. Отсюда вытекает, что система «гада» давно утратила свою жизненную сущность и сохраняется как формальный ритуал.

Классы в V степени считаются «женатыми», несмотря на то, что у входящих в них мужчин чаще всего жен нет (стр. 67). Видимо, в древней основе «гада» в этих степенях была норма, обязывавшая их членов вступать в брак.

Термины обращения носят корпоративный характер: всех членов класса отцов их сыновья из класса, отстоящего на 5 степеней ниже, называют «отец» (стр. 101), независимо от генеалогической связи. Перед нами проявление архаики, сохранившейся в ритуальной терминологии «гада». Однако А. Легессе не объясняет этот важный факт, ограничиваясь лишь его констатацией.

Остается неясным взаимодействие классов «луба» и возрастных групп. Автор пишет, что юноша становится членом возрастной группы в силу своего возраста, а не потому, что он в нее иницирован. Членство в этих группах автоматически, возрастная группа — более «естественное объединение индивидов, нежели класс «луба» (стр. 106). Вместе с тем автор сообщает, что в конце III степени возрастные группы вводятся в систему «гада». Непонятно, как это происходит при несовместимости класса и возрастной группы, при различных критериях их формирования, неидентичном возрастном и количественном составе (в III возрастной группе было вдвое больше людей, чем в III классе «луба»).

В этой связи недостаточно обоснованным выглядит утверждение А. Легессе, что «борана не соответствуют стереотипу стратифицированных по возрасту обществ», где институт возрастных классов укрепляет власть старших над младшими поколениями для поддержания социального порядка. Автор полагает, что в отличие от геронтократических и авторитарных систем «гада», наоборот, является способом ограничения власти старших поколений; социальная дистанция, разделяющая отцов и сыновей, — интегральная часть процесса распределения привилегий по поколениям (стр. 113).

Ясно, что при пестром возрастном составе классов можно встретить среди участников ритуалов, танцев и ассамблей восьмилетних наравне со взрослыми. Однако многие факты говорят, с одной стороны, что система борана трансформировалась и ныне мы имеем совершенно иной тип структуры, нежели ее древний стереотип (возрастные группы), а с другой — ряд данных показывает, что все же важнейшие социальные органы в реальной жизни формируются из взрослых членов общества (институт ритуального лидера «каллу», военные должности, группы «харийя» и др.). Что же до «социальной дистанции», то мы находим ее в любой социальной системе, организованной на принципе возраста (нуэр, консо, масаи и др.). Тем более и сам А. Легессе отмечает, что у борана поколения структурно противоположны и функционально дифференцированы, старики имеют ритуальную власть, а взрослые — политическую. Собственно, необоснованным представляется вывод автора о «несоответствии стереотипу». Неясно, к какому историческому периоду он относит это несоответствие. Если к древнему, то этот вывод абсолютно неверен; не совсем правилен он и для современного периода, потому что материалы самого автора показывают наличие у галла социально-возрастной стратификации.

А. Легессе высказывает предположение, что в давние периоды истории система «гада» могла быть идеальной системой возрастных степеней (age-grade system) с жестким верхним и нижним пределами деторождения (стр. 128). Однако, рассуждает он, верхний предел «был быстро отброшен», когда его опустошающие действия (уменьшение населения) стали очевидны обществу. Этот порядок мог снова войти в жизнь в связи с демографическим взрывом, но только на непродолжительное время.

Думается, что постулирование функций такой организации в качестве регулятора количественного состава общества — неосновательно, хотя и не ново в этнографической литературе. Система «гада» регулировала не количество детей, а социальный момент их признания в соответствии с установленными у галла нормами права.

Редкие и весьма двусмысленные упоминания обычая убийства «незаконнорожденных» ничего нам не подтверждают. Сомнительно полагать, что уничтожалось физически здоровое потомство, когда общество и без этого несло постоянный урон в людском составе от войн, болезней и несчастных случаев.

Изучая структуру «гада» современного общества борана, А. Легессе пришел к заключению, что она представляет собой открытый цикл (в отличие от модели Э. Черулли, считавшего ее закрытым циклом). Его модель имеет вид спирали, у которой начало закрыто, а конец — открыт (стр. 130). Эта модель объясняет, почему у борана гораздо больше классов, представленных живыми членами (20 классов), чем степеней (11). «Спираль» А. Легессе показывает, что увеличение числа классов из-за определяющего правила системы (сын входит в степень через 40 лет после отца) не нарушает ее структуры: отцы и сыновья постоянно находятся в противоположных позициях, а деды и внуки на одной стороне спирали, но на разных ее витках.

Убедительно совпадение современных фактических данных с моделью А. Легессе. По мере развертывания «спирали» количество классов и степеней, в которые классы входят, растет. Соответственно растет возрастное несоответствие внутри классов и увеличивается количественный состав классов к открытому концу «спирали». В то же время степени начала «спирали» пустеют, их нечем заполнять, так как дети выходящих из системы отцов попадают во все более старшие степени. Постоянно увеличивается число «выходящих» из системы, так как дети, родившиеся у старых отцов, становятся, как и их отцы, членами «выходящих» классов и оказываются исключенными из системы, поскольку не успели войти в ее активную часть. Это «результат вековой структурной трансформации, которой подвергся институт» (стр. 133). Эта модель — безусловное достижение исследователя.

На базе структурного анализа автор показал, что современная система «гада» борана — нестабильный институт, в котором от поколения к поколению увеличивается диспропорция в составе классов и число исключенных из системы неумолимо растет. Это явление Легессе обозначил как «гада процесс», выход из которого один — постоянное нарушение норм системы для восстановления количественного и возрастного состава классов в социальных степенях (стр. 133).

А. Легессе попытался «реконструировать «продольную» трансформацию института — последовательные стадии его развития (стр. 134). Он справедливо определил, что борана представляют только одну стадию в развитии института, поэтому для обоснования гипотетической изначальной структуры системы «гада» нужны дополнительные данные и метод, отличный от структурализма. Лишь тогда мы будем иметь возможность представить развитие института не только на синхронном (это дал структурный анализ), но и на диахронном уровне (исторический анализ).

Для этого этапа исследования А. Легессе использует структурный анализ в сочетании со статистическим методом обработки эмпирических материалов, а также гипотетическим воспроизведением действия реконструированного института «гада» (симуляция процесса).

Можно согласиться с предположением автора, что первоначальный институт, давший развитие системе «гада» был «простой системой возрастных групп» (стр. 136). Однако вряд ли автор прав, считая, что институт возрастных групп в Восточной Африке основан лишь на усложненном принципе учета генеалогических поколений, особенно у кушитов. Здесь следует упомянуть, что возрастной принцип организации как стадийное явление в развитии многих обществ был весьма широко распространен на ранней стадии первобытной истории. Но в процессе исторического развития следующей стадией была трансформация этих систем, причем принцип их пополнения стал вместо возрастного генеалогическим при сохранении традиционных норм — определенного интервала между поколениями. Однако в системе учитывались уже не социально-возрастные, а генеалогические возрастные поколения. Развитие социальных структур, их стадийно-гетерогенный характер необходимо учитывать при исторической реконструкции социальных институтов ранних эпох⁵. Такой подход к анализу современного фактического материала позволяет правильно оценить то, что внешне

⁵ Н. М. Гиренко, Система терминов родства и система социальных категорий, «Сов. этнография», 1974, № 6.

нередко выглядит «отклонением» от традиционных норм (на деле же становится уже новой нормой), понять, чем они вызваны, и использовать сравнительно поздние, даже современные данные для гипотетической реконструкции прошлого.

А. Легессе полагает, опираясь на хронику Бахрея, что в XVI в. и ранее система «гада» была простой организацией возрастных групп, состоявших из реальных сверстников (стр. 139). Однако с введением правил, основанных на учете генеалогических поколений, институт стал нестабильным и начал изменяться в направлении к своему современному состоянию (стр. 137). По сравнению с данными хроники Бахрея в XIX в. система достигла такой степени искажения, что несоответствие в возрасте класса воинов делало абсолютно невозможным его мобилизацию для военного похода (дети моложе восьми лет есть почти во всех классах), а увеличение вековозрастного населения в системе, которое быстро выходило из нее в качестве «пенсионеров», привело, по мнению А. Легессе, к возникновению системы возрастной стратификации «харийя», реально возрастных коллективов, поскольку прежние классы («луба») таковыми уже не являлись.

Полагаю, что автор ошибается, считая систему «харийя» нововведением. Думается, что это более архаичный элемент системы «гада», менее изменившийся, нежели ее другой элемент — степени. То, что автор у современных борана определил как «луба» (класс) фактически совпадает со степенью, так как абсолютно не связано с реальным возрастом, но принадлежность к нему полностью зависит от генеалогии. «Харийя» — более стойкий в силу своей объективной реальности элемент. Это подтверждают материалы по консо — весьма архаичной социальной организации типа «гада». Вернее полагать, что в «гада» борана новым являются разрушения в системе степеней и «луба» классов, а более древним — возрастные группы «харийя».

На основании текста хроники Бахрея («После пяти луба, которые правила, сыновья Мельбаха были обрезаны и получили имя Хармуфа») автор утверждает наличие генеалогической связи между классами «гада» (стр. 138). С этим трудно согласиться, так как имена «луба» были у галла групповыми, что указывает на социально-групповое родство классов, а не генетическое. Текст хроники ясно показывает, что инициации у галла происходили в определенное время и были обусловлены естественными фазами жизни человека. Процедуре обрезания подвергали сверстников, составлявших класс сыновей, как в свое время было с классом сверстников-отцов. Связь между этими классами была социально-групповой, а не генетической.

А. Легессе в примечании пишет: «Черулли считает, что список (имен) Бахрея неполный, он дает 9 классов. На деле Бахрей называет десятое имя — Джабана не в порядке следования описываемых классов, а как имя отцов первого класса Мудана» (стр. 138). Это интересное замечание, поскольку оно нарушает традиционную уверенность исследователей, что имена классов «гада» передавались по циклу из серии в 10 имен. Тем не менее этого же мнения придерживается и сам А. Легессе. Однако если бы это было так, тогда имя Джабана вновь появилось бы среди имен сыновей, ибо последние, согласно циклу, должны иметь имена дедов. Но этого повторения в списке имен у Бахрея нет. Наоборот, одно имя Джабана не повторилось. И то, что Бахрей не мог установить остальные четыре имени классов дедов (которых не было в серии 10 имен отцов — детей), также наводит на мысль, что в прошлом система «гада» была структурой возрастных групп, открытой с обоих концов для входа и выхода из нее, а не структурой замкнутого цикла или спирали, как это стало впоследствии в результате трансформации.

Видимо, автор справедливо относит начало периода трансформации системы к XVI в. Хроника Бахрея сохранила сведения о социальной структуре галла в таком виде, который теперь ученые определяют как систему возрастных групп, без учета генеалогических поколений, т. е. до ее трансформации в современную систему с классами «луба», структура которых зависит от генеалогических связей. Однако автор вряд ли верно объясняет прекращение экспансии галла в XVI в. «введением» правил, ограничивавших место поколений, брачный порядок и детопроизводство (стр. 154). Эти правила — только следствие. Причина же, вероятно, лежит глубже: в изменении экономического базиса общества галла, оказавшегося к этому моменту в окружении оседлого населения Эфиопии, степень социального развития которого была намного

выше, чем у галла. В экономических отношениях общества галла, вероятно, давно зрели предпосылки к изменениям и экспансия в Эфиопию создала возможность для проявления этих изменений. Постепенно оформились новые нормы бытия: укрепились собственность на скот патриархальных семей, наследование по генеалогической линии, отпала необходимость в прежней военной машине. Вследствие этого и изменились границы брачного возраста, нормы детопроизводства.

По мнению А. Легессе, на галла в XV в. обрушился демографический взрыв, что и вызвало к жизни систему «гада» (т. е. трансформацию системы возрастных групп) как результат их попыток выйти из сложившейся ситуации путем захвата чужих земель, усиленной эксплуатации экономических и экологических ресурсов и институционализации норм брака и деторождения, уменьшающей рост населения (стр. 135, 155, 156). Такое объяснение вряд ли можно считать исчерпывающим. Применение автором статистического метода «симуляции» процесса трансформации системы «гада» показало быстрое уменьшение населения (на 50%) в XVI в., когда новые нормы вошли в жизнь. А. Легессе опирается на предположение о передвижении брачного возраста и на обычный временного отчуждения незаконнорожденных детей от их родителей. Однако следует напомнить, что этих детей, как правило, брали на воспитание другие семьи до их возвращения в родную семью. Следовательно, на демографические данные эта норма системы «гада» не влияла. Уменьшение населения, если таковое имело место, в этот период можно скорее связать с постоянными военными столкновениями галла с регулярными войсками эфиопских негусов и местным населением страны, сопротивлявшимся нашествию врага. Кроме того, поскольку все население проходит по спиральному циклу системы, то, согласно гипотезе А. Легессе, все меньше мужского населения подвержено ограничивающим нормам, следовательно, оно должно было бы быстро возрастать. На деле этого не происходит. Поэтому действие системы по модели автора представляется нам несколько противоречивым.

Легессе объясняет готовность и быстроту, с которой галла поглотили социальные институты завоеванных ими народов, прямым результатом ритуального, политического и военного вакуума, созданного постепенным упадком системы «гада». Это чересчур смелое заявление. Свидетельств вакуума мы не имеем, данных о демографическом взрыве — тоже. Наоборот, наука располагает фактами, говорящими об активности социальной организации галла в XV—XVI вв., их успешных военных походах, интенсивной экспансии в Эфиопии, переходе к оседлой жизни и местной адаптации. Последнее, несомненно, является результатом разницы в степени развитости обществ галла и оседлых обществ Эфиопии⁶, а также изменения условий жизни галла в пределах Эфиопского государства. В дальнейшем наступила естественная фаза упадка системы «гада», потому что в новых для галла условиях такая организация уже потеряла свою актуальность.

Предположение автора, что в более отдаленное время система «гада» была простой структурой возрастных групп, означает, что активных классов, завершивших цикл, тогда не было. В результате трансформации, или процесса «гада», теперь все больше людей рождается в так называемых «вышедших» из цикла классах. Их стало так много, что это вызвало необходимость сформировать «младший совет» для их представительства в высшем административном органе — ассамблее «гада» (стр. 160). В то же время активные классы все сокращались, их возрастной состав стал таким расплывчатым, что эти группы уже не могли действовать как эффективные органы. Тогда класс, стоявший у руководства, стал набирать способных людей из «вышедших» классов. В настоящее время перед борана встал вопрос о предоставлении «вышедшим» классам прямого представительства в ассамблее «гада». На мой взгляд, эти факты показывают, что трансформированная система «гада» в своем спиральном движении очень далеко отошла от своего прообраза, поэтому в ней уже нельзя узнать первоначальной возрастной организации, выступавшей как социально-экономический институт.

Следует отметить, что для автора основной проблемой исследования являются стабильность и нестабильность системы. При этом он не раз заменяет категорию ста-

⁶ См. В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей, К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей, «Сов. этнография», 1968, № 2.

бильности другой — равновесием. И обе категории как синонимы изучаются им в одной исторической плоскости. Думается, что он делает ошибку, ставя знак тождества между этими категориями. Стабильность как историческое понятие присуща синхронному срезу, в то время как понятие равновесия — диахронному. В самом деле, стабильность мы можем установить только на сравнительном одновременном материале, на каждом отдельном историческом отрезке институт всегда был относительно стабильным, иначе он бы не существовал. Другое дело равновесие. Если проследить данные по системе «гада» за несколько веков, то очевидно, что в некоторые исторические периоды равновесие нарушалось, приводя к изменениям в структуре, в конечном итоге к трансформации всего института, при этом стабильность на каждом отдельном этапе сохранялась.

Указывая, что структурный анализ имеет дело с теми аспектами общества, которые регулируются сводом правил, Легессе подчеркивает, что он использует другие аспекты — например, широко варьирующий от класса к классу количественный и возрастной состав населения, процесс выхода классов из активной сферы системы «гада», имущественную дифференциацию. И автор с удивлением признает, что «богатство, оказывается, обеспечивает больший доступ к должности „гада“, несмотря на то, что культура это отрицает. Здесь норма и практика не в ладу друг с другом» (стр. 165). Остается только пожалеть, что автор не применил эти данные в опыте «симуляции» для выявления «нестабильности» института. Совершенно очевидно, что демократическое в своей основе социальное устройство галла времен Бахрея отличалось от современного. Нарушение исторического равновесия института компенсировалось периодической стабильностью за счет тех или иных элементов социальной организации. В данном случае в жертву был принесен демократизм. Имущественное неравенство и развитие иерархической структуры «гада» были вызваны исторической неизбежностью изменения условий жизни общества галла.

А. Легессе утверждает, что анализ системы «гада» можно делать без учета возраста, так как он не имеет отношения к структуре. Но вместе с тем признает, что это «очень важный фактор, определяющий переменчивость института в целом» (стр. 166). И автор предполагает, что возраст был источником слабости института, который делал его все более дисфункциональным (стр. 166). Однако не в этом причина разрушения возрастной системы древнего образца. Генеалогический принцип родства, вытеснивший прежний структурный принцип учета возраста, переход от счета возрастных поколений к поколениям генеалогическим — вот что привело к разрушению древней системы и ее трансформации в современную.

Автор использует в своем исследовании древнейшие нормы традиционной системы возрастных групп, которые дошли до нашего времени в качестве обрядовых рудиментов, догматических правил, не соответствующих новому содержанию, но сохраняющихся в мировоззрении как традиции. Однако А. Легессе их анализирует наряду с явлениями периода трансформации системы.

Автор настаивает на том, что у галла Эфиопии система «гада» занимает центральное место, хотя и вынужден оговориться, что в ряде случаев (например, при выборах в ассамблею, советы) интересы родства преобладают (стр. 224).

Как видим, автор несколько непоследователен. Он не различает четко явления традиционные и новые, т. е. игнорирует стадияльно-гетерогенный характер социальной структуры и функций ее звеньев. Известно, что форма социальной организации борана, хотя и в измененном виде (спираль), но остается системой «гада», системой социальных степеней, обязательной для всего мужского населения. Однако сам автор ярко показал, что членство в системе прямо зависит от генеалогического родства, высшие должности в органах руководства также входят теперь в сферу отношений кровного родства и передаются по наследству в нескольких династических линиях, в то время как в соответствии с древним порядком эти должности заполнялись посредством демократических выборов. Словом, отношения генеалогического родства настолько пронизали все звенья системы «гада», что тезис о преобладании «порядка родства» (стр. 224) вполне оправдывается и у борана, несмотря на то что форма организации их весьма отлична от многих других африканских обществ.

В том, что у борана кровное родство «не может объяснить природу политической системы» (стр. 225), Легессе абсолютно прав, ибо природа их организации уходит

в глубокую древность, когда родство социально-групповое, а не генеалогическое лежало в основе их социальных отношений, и группы — социально-возрастные поколения — оформлялись на базе реального возраста⁷.

Рецензируемая работа представляет значительный интерес не только для региональной, но и для общей этнографии. Полевые материалы, scrupulously собранные и изданные А. Легессе, трудно переоценить. Система «гада» в действии — редчайший феномен в наше время. Автор книги оказал немалую услугу этнографии, опубликовав свои материалы и их анализ. Что касается его гипотезы, то надо приветствовать смелость и глубину понимания им весьма своеобразного социального института, изучение которого может помочь науке правильнее представить процесс развития общества во всем его многообразии. В книге много спорных теоретических положений, но она не только увлекает своим содержанием, но и вызывает плодотворные дискуссии. И в этом тоже ее несомненная ценность.

К. П. Калиновская

⁷ Подробнее см. К. П. Калиновская, К вопросу о соотношении возрастной и кровнородственной систем.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

S. K r e m e n š e k. *Obča etnologija*. Ljubljana, 1973, 276 s.

Философский факультет Люблянского университета выпустил в 1973 г. книгу словенского этнографа Славко Кременшека «Общая этнология», которая является учебным пособием для слушателей соответствующего курса на первом году обучения. Автор ставит своей целью дать учащимся первоначальное представление об этнографии и ее проблемах, не углубляясь в разбор специальных вопросов, рассматриваемых студентами в процессе дальнейшей учебы.

В первой главе книги «Основные понятия и некоторые исходные моменты» дано определение этнологии как науки о народе (о народах). Кременшек не признает принципиальной разницы между «этнологией» и «этнографией» и объясняет употребление первого термина в югославской литературе как более удобного в силу его интернациональности и общепринятости (стр. 15). Здесь же рассказывается об основных понятиях этнографической науки — «культуре», «быте», «цивилизации», «народе», «нации», «этносе» и др.

Следующая глава — экскурс в историю развития этнографической мысли. Автор выделяет античный период, когда благодаря «интересу к курьезам» и из-за «необходимости знать образ жизни и культуру соседних и отдаленных этнических общностей» (стр. 19) появились зачатки этнографии. Застой, наблюдавшийся в этнографии в средневековье, нарушается в период географических открытий. В отдельный период выделяется эпоха просветительства и романтизма, когда изучение жизни и культуры неевропейских этнических общностей все в большей мере становится составной частью знаний о людях и окружающей среде. Глубокое знакомство с культурой европейских народов начинается с Иоганна Гердера. Далее изложение развития этнографии по периодам замечается рассмотрением роли отдельных ученых либо этнографических школ, внесших определенный вклад в развитие науки. Таким образом анализируются взгляды Г. Клемма, Т. Вайца и А. Бастиана. С именем последнего связывается формирование этнографии как особой научной дисциплины. Отдельные параграфы посвящены этнологическому эволюционизму, диффузионизму (теория культурных кругов, «дунайская», т. е. венская, «культурно-историческая школа»), морфологизму Лео Фробениуса, американской «исторической» школе (школа Боаса), французской социологической школе, «этнологическому функционализму и социальной антропологии», структурализму Леви-Стросса, «американской культурной антропологии», неозволюционизму Лесли Уайта.

В небольшом разделе анализируется советская этнографическая школа, освещается тематика, разрабатываемая советскими учеными. Автор указывает на достижения советской этнографии в послевоенный период, в частности на дальнейшую разработку теоретических проблем этнографии, издание 18-томного труда «Народы мира», изучение образа жизни современного колхозного крестьянства и рабочего класса. Кременшек подчеркивает, что при едином методологическом марксистском направлении имеются различия во взглядах советских авторов на отдельные вопросы. Основное содержание советской этнографии автор видит «в изучении исторических особенностей культуры и образа жизни всех этнических общностей» (стр. 99).